
Политика России в отношении курдских племён на границе с Османской империей во время Крымской войны

Нодар Мосаки

Policy of the Russia towards the Kurdish tribes in the Turkish-Russian border during the Crimean War

Nodar Mossaki

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S0869568718030135

В Российской империи курды рассматривались лишь как одна из проблем, осложнявших положение Турции. Но весьма показательно, что Россия «совершенно не воспользовалась» в 1854 г. восстанием Езданшира – одним из крупнейших выступлений курдов против османских властей, отвлекавшим значительную часть турецких войск с «театра военных действий для усмирения в Большом Курдистане»¹. Успех восставших неминуемо привёл бы «Турцию к военной катастрофе» на Кавказе². Однако многочисленные просьбы Езданшира о помощи не получали никакого отклика у русского командования, которому он обещал поддержку против турок. В отечественном курдоведении это объяснялось прежде всего плохой осведомлённостью о положении в восточных провинциях Османской империи³, обусловленной тем, что «мусульмане Закавказья» (азербайджанцы, курды и др.) в основном симпатизировали туркам и с их приходом связывали надежды на своё «освобождение от власти христиан». Благодаря содействию закавказских мусульман, разведка у турок была поставлена лучше, «чем у русских, которым лазутчиками служили армяне»⁴. Между тем, несмотря на осязаемый недостаток информации, определённые представления о действиях курдов у русских генералов всё же имелись⁵. Более того, они даже считали начавшиеся волнения следствием успехов России в Малой Азии (взятие Баязета, продвижение по ванской дороге)⁶. Тем не менее кн. В.О. Бебутов приостановил

© 2018 г. Н.З. Мосаки

¹ *Аверьянов П.И.* Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное положение турецких, персидских и русских курдов. Тифлис, 1900. С. 113.

² *Лазарев М.С.* Курдский вопрос (1891–1917). М., 1972. С. 32–33.

³ *Лазарев М.С.* Курдский вопрос... С. 32; *Жигалина О.И.* Из истории взаимоотношений курдов с русскими и Россией // Курдский альманах. I. М., 2001. С. 124.

⁴ *Кобищанов Ю.М.* Кавалер ордена Св. Георгия // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 152.

⁵ Акты, собранные кавказской археологической комиссией (далее – АКАК). Т. XI. Тифлис, 1888. С. 326–327; *Аверьянов П.* Курды в войнах... С. 156.

⁶ АКАК. Т. XI. С. 326.

⁷ *Жигалина О.И.* Из истории взаимоотношений... С. 124. Жигалина утверждает, что кн. Бебутов запретил Эриванскому отряду «на всё время восстания Езданшира активно действовать против турок». Вместе с тем неизвестны какие-либо документы, указывающие на прямую связь между пассивностью русских войск в Азиатской Турции в этот период и волнениями курдов. Однако, конечно, бездействие при таких обстоятельствах весьма примечательно и отчасти подтверждает то, что Россия даже во время войны не была заинтересована в успехе курдов и последующем распаде Османской империи.

действия против турок, позволив им «снять часть войск из фронта и направить их на подавления восстания»⁷, т.е. косвенно помог Турции.

По мнению исследователей, это решение было вызвано военно-тактическими соображениями, а также «непониманием» потенциального значения «позиции курдских племён» для стратегических интересов России⁸. Восходящее к П.И. Аверьянову и усвоенное позднейшими курдоведами представление о «недопонимании Россией собственных интересов» стало лейтмотивом работ о российской, советской и постсоветской политике в отношении курдов. «Понимание» же российских интересов отождествлялось с авантюрной поддержкой курдов против властей тех стран, где они проживали, что неизбежно осложняло бы и без того непростые отношения с этими государствами, не обеспечивая ни успеха племён, не проявлявших серьёзных этатистских намерений, ни исполнения ими ожиданий России (как это случалось и с другими народами, например, на Балканах).

Известный советский и российский курдолог М.С. Лазарев, анализируя многочисленные восстания курдов и других нетурецких народов в контексте международного положения Османской империи, утверждал, что в конечном счёте создание потенциально независимого Курдистана «пошло бы на пользу России, главного конкурента Англии в регионе»⁹. Но в Петербурге и в Тифлисе в XIX в. считали, что выгоднее, когда на границах находится именно «ослабленная Турция», а не амбициозные государства, которые могли бы возникнуть на её обломках в Азии, и не поощряли восстания, способные привести Османскую империю к катастрофе¹⁰.

Полковник (впоследствии — генерал-майор) М.Д. Лихутин, непосредственно осуществлявший на посту начальника штаба Эриванского отряда «курдскую политику» России, отмечал: «Полезно иметь небольшое число их (курдов. — *Н.М.*) в России, то, которое находится теперь, для удобнейшего влияния через них на турецких курдов, когда будет надобно; но переселение их в обширных размерах бесполезно и неприменимо... При раздроблении их в трёх государствах (Персии, Турции и России. — *Н.М.*) и возможности уходить из одного в другое, — в наших пределах они будут вредны нам беспорядками, и очень трудно будет иметь твёрдое влияние и власть над ними. Не приобретя над ними прочного господства, мы только немного выучим их и сделаем опаснее. В настоящем положении дел пусть они лучше остаются в Турции как один из элементов её слабости и разрушения; они пока нам годны только для этого. Если бы могли переселить их к себе всех, то излечили бы Турцию от одной из её язв. В самой Турции мы не можем рассчитывать на преданность их к нам; они будут делать то, что им выгоднее: брать подарки и с нас, и с турок, грабить и тех и других, когда представится возможность, пособлять и тем и другим, тому, кто будет для них опаснее. Нас они боятся более, потому что мы очевидно сильнее; даже любят более, потому что с турками у них встречаются одни неудовольствия и ссоры, а мы пока только привлекали их... По всему этому, при успехе нашем, мы найдём в них союзников против

⁸ Лазарев М.С. Курдский вопрос... С. 32; Лазарев М.С. Новая Россия и старый курдский вопрос // Азия и Африка сегодня. 1994. № 1. С. 8–12; Лазарев М.С. Россия и Курдистан (Уроки истории и новые задачи) // Курдский альманах. I. С. 32–57; Лазарев М.С. СССР и Курдистан // Азия и Африка сегодня. 1995. № 3. С. 2–8; № 4. С. 8–13.

⁹ История Курдистана / Под ред. М.С. Лазарева, Ш.Х. Мгои. М., 1999. С. 153.

¹⁰ Зайцев И.В., Крол А.А. «Вражды рифмы»: Первый египетский кризис, хадж из Крыма и египетская пропаганда среди крымских татар в 1832 г. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 5. 2016. С. 96.

турок, и для турецкого правительства они будут очень опасны как внутренние враги, поддерживающие неприятельскую армию продовольствием и оружием. Но для всего этого они нам полезны, когда остаются в пределах Турции»¹¹. Другой российский военачальник, также игравший немалую роль в осуществлении «курдской политики» России во время войн 1853–1856 и 1877–1878 гг. — полковник, а с 1875 г. — генерал от кавалерии М.Т. Лорис-Меликов, как и Лихутин, полагал, что «курды будут на стороне того, кто им больше заплатит и где они вообще будут видеть больше выгод»¹², в России же они усматривают лишь врага своих врагов.

Действительно, понимание курдскими вождями временности и условности поддержки со стороны как Турции, так и России, толкало их на «двойную игру». Осознавая свою подчинённую роль в русско-турецком противоборстве и конъюнктурное отношение к ним держав, курды пытались извлечь хотя бы сиюминутные выгоды, лавировали и «то вступали в переговоры с командованием русских войск, то выступали на стороне Турции, если обстановка благоприятствовала её успеху»¹³, склонялись «в сторону сильнейшего и лучше оплачивающего “курдские симпатии”»¹⁴. Немаловажным фактором являлось и то, что, учитывая внутреннее хаотичное состояние Курдистана, его «приобретение» Россией могло иметь лишь дестабилизирующее воздействие на Кавказ, где особое беспокойство вызывали, «прежде всего, Дагестан, Черкесия, Чечня»¹⁵, соединённые цепью «непрерывных сообщений» с турецкими курдами и подвергавшиеся враждебному влиянию курдского мусульманского духовенства. Генеральный консул в Тавризе Н.А. Аничков 17 февраля 1854 г. констатировал, что «в настоящее время все курды сделались очень опасными для нас, вследствие возмутительных проповедей, кои постоянно делает им суннитское духовенство в Турецком Курдистане»¹⁶. Таким образом, для России ставка на курдов представлялась стратегически бесперспективной, а отношения с ними являлись лишь тактическим элементом в русско-турецком соперничестве. Тем не менее, даже не желая разделить «курдское бремя» с Турцией, Россия не могла игнорировать турецких курдов, поскольку их действия или давали ей перевес или, напротив, усложняли её позиции в противоборстве с турками, которое только в XIX в. четырежды приводило к войне.

Неудивительно, что в ходе этих конфликтов не раз предлагалось склонить курдские племена, проживавшие и кочевавшие на границе, к переходу в российское подданство, дабы обеспечить безопасность приграничных территорий и отвлечь курдов от службы в турецкой армии. Эти попытки отразились как в фондах

¹¹ Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. СПб., 1863. С. 171–172.

¹² Аверьянов П.И. Указ. соч. С. 168.

¹³ Халфин Н.А. Борьба за Курдистан (курдский вопрос в международных отношениях XIX века). М., 1963. С. 40.

¹⁴ Курд Оглу. Курды и империализм // Бюллетень прессы Среднего Востока (Ташкент). 1932. № 13–14. С. 102.

¹⁵ Зайцев И.В., Крол А.А. «Вражды рифмы»... С. 100.

¹⁶ АКАК. Т. XI. С. 504. О наличии последователей известных курдских шейхов в Дагестане см.: Бадерхан Ф. Из истории ордена накшбандия в Курдистане // Курды Западной Азии (XX – начало XXI в.). Проблема курдского самоопределения. Сборник статей. М., 2012. С. 28. Более того, согласно курдским источникам, имам Шамиль также являлся мюридом известного курдского шейха Халида (Там же; Vandem C. The Ottoman Crimean War (1853–1856). Leiden; Boston, 2010. P. 149). Возможность установлении тайной связи между курдами и горцами Кавказа допускал и Ф. Энгельс (Энгельс Ф. Священная война // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9. М., 1957. С. 452).

РГВИА¹⁷, так и в «Актах, собранных кавказской археологической комиссией»¹⁸, и требуют самого внимательного исследования.

Турецкое правительство с весны 1853 г. постоянно направляло к курдам чиновников из Карса с различными обещаниями и требованием прислать пополнения для конницы¹⁹. Видя, что их игнорируют, турки стали грозить старейшинам размещением на их территориях регулярных войск и башибузуков. В результате, накануне и в начале Восточной войны приграничные районы Российской империи непрерывно подвергались набегам курдов. Осенью 1853 г., как писал Лихутин, «толпы башибузуков, состоявшие преимущественно из курдов, вторглись в наши пределы; между прочим, напали на донских казаков, расположенных кордоном в Эриванском уезде вдоль границы Турции, разграбили несколько селений», открыв тем самым боевые действия в Закавказье²⁰. Вскоре к туркам присоединились курды племени *зилан*, кочевавшие в Турции вдоль правого берега реки Арпачай, и перебравшиеся к ним с российской стороны курдские племена *джамаданлы*, *миланли* и *безеки*, численность которых составляла 4–5 тыс. всадников. Они активно действовали против малочисленных русских войск²¹ и были посланы для разорения деревень Ахалкалакского участка, где наводили ужас на местное армянское население²².

В то же время от курдских старейшин в российский лагерь регулярно поступали заверения, что они намерены затягивать отправку пополнений туркам, ожидают только их отступления к Карсу и «тогда уже будут иметь возможность явно отложиться от турецкого правительства»²³. Однако предпринимавшиеся командующим действующим корпусом на кавказско-турецкой границе генерал-лейтенантом кн. Бебутовым попытки «по примеру предыдущей войны с Турцией» привлечь на свою сторону курдов, пользовавшихся определённой самостоятельностью и постоянно враждовавших с властями Османской империи²⁴, какого-либо ощутимого успеха не имели. Именно курдская кавалерия²⁵ предотвратила полный разгром и уничтожение обратившихся в бегство турок в битве при Башкадыкларе 19 ноября (1 декабря) 1853 г.²⁶ Как отмечал в своём рапорте кн. Бебутову Лорис-Меликов, «действовавшие против нас осенью» 1853 г.

¹⁷ См., в частности, фонд «Управление начальника Карской области» (ф. 15099), в котором находятся строевые рапорты о состоянии Куртинского полка в 1854–1856 гг. (оп. 1, д. 14), переписка о переходе куртинских курдов в российское подданство и об их переселении в пределы России (оп. 1, д. 15), рапорты о набегах курдов из Турции на селения Карской области в 1855 г. (оп. 1, д. 22), и другие материалы.

¹⁸ Эти материалы стали одним из основных источников работы П.И. Аверьянова.

¹⁹ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 2 об.

²⁰ Лихутин М. Указ. соч. С. 1.

²¹ На русско-турецкой границе в это время находилось, не считая казаков, всего около 5 тыс. «плохо вооружённых и испытывающих затруднение с продовольствием солдат» (Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 246). См. также: Бестужев И.В. Оборона Закавказья в Крымской войне 1853–1856 годов // Вопросы истории. 1954. № 12. С. 53–66.

²² РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 1, 1 об.

²³ Там же, л. 3.

²⁴ Лихутин М. Указ. соч. С. 142.

²⁵ Вплоть до Второй мировой войны курды составляли основной контингент кавалерийских частей турецкой армии (Вильчевский О. Курды. Введение в этническую историю курдского народа. М.: Л., 1961. С. 41). При этом кн. И.Ф. Паскевич отмечал в сентябре 1853 г., что «турецкая конница, курды всегда были биты нашими мусульманами и линейцами» (Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. II. СПб., 1912. С. 107).

²⁶ Тарле Е.В. Крымская война. Т. I. М., 2005. С. 334.

«5 или 6 тыс. куртинской конницы составляли едва ли не лучшую часть войска турецкой армии»²⁷.

В отечественной историографии традиционно указывалось, что когда «турки были разбиты и обращены в бегство, то курды бросились преследовать и грабить турецкие регулярные войска»²⁸, тем самым «завершив их поражение»²⁹. В этом усматривалось, как бы, проявление антитурецких настроений среди курдов или даже их симпатии к русским, якобы не использованные полностью лишь по причине бездействия русского начальства. Но по свидетельству кн. Бебутова, оставившего наиболее полное описание битвы, прежде чем грабить бежавших турок, именно «неисчислимая масса курдов» настойчиво и «дерзко» практически до конца сражения напирала на русские позиции, и натиск её был остановлен с невероятным трудом³⁰. При этом кн. Бебутов указывал, что турецкая армия, участвовавшая в сражении, насчитывала 36 тыс. человек, включая «более 14 т[ыс.] курдов и разной милиции»³¹ (тогда как Аверьянов, ссылаясь на тот же документ, упоминает «около 14 т[ыс.] различной милиции, в числе которой было около 4 т[ыс.] курдов»³²).

Уже в декабре 1853 г. в Александрополь прибыли 14 курдских старшин разных обществ с заверениями в покорности, а от влиятельных родоначальников Касум-хана и Ахмед-аги были получены письма, в которых говорилось, что курды, в соответствии с прежними обещаниями, не только не будут предпринимать каких-либо действий против России, но, напротив, готовы ей всячески содействовать. Провожая посланцев, русская администрация выдала каждому из них щедрое денежное вознаграждение, в залог же верности курдов в Александрополе добровольно остались четверо старшин³³.

В январе 1854 г. кн. Бебутов намеревался встретиться с Касум-ханом, состоявшим капучи-баши турецкой службы 1 чина, что соответствовало российскому бригадиру. Однако тот послал вместо себя в Александрополь своих родственников, рассказавших о затруднительности его положения: турецкие войска располагались в Кагызмане — всего в 20 верстах от зимовников Касум-хана³⁴. Учитывая данные обстоятельства, кн. Бебутов разрешил ему оставаться на месте и не выступать открыто против турок, но и не оказывать им никакого содействия, а также сдерживать признававших его власть курдов, ограждая российские владения от набегов и грабежей³⁵. Как правило, и другие курдские племена предпочитали сохранять нейтралитет, выжидая исхода войны. Практически всё их имущество находилось на землях, контролировавшихся турками, но даже при незначительном продвижении кн. Бебутова те курды, которые оказывались на занятой им территории, непременно выражали готовность установить дружеские отношения с русскими³⁶. В марте 1854 г. для переговоров с курдами в деревню Кизил-Килис Шурагельского санджака

²⁷ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 6.

²⁸ Аверьянов П. Указ. соч. С. 88–89.

²⁹ Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987. С. 15; История Курдистана... С. 162.

³⁰ Описание сражения на Башкадыклярских высотах, 19 ноября 1853 года, ген.-л. кн. Бебутова // АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 772–779.

³¹ Там же. С. 773.

³² Аверьянов П. Указ. соч. С. 88.

³³ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 2.

³⁴ АКАК. Т. XI. С. 79.

³⁵ Там же. С. 80.

³⁶ Лихутин М. Указ. соч. С. 154.

был командирован полковник М.Т. Лорис-Меликов, добившийся тайной встречи с Ахмед-агой, обещавшим помогать царскому правительству³⁷.

Победы кн. Бебутова при Чолоке 3(15) июля 1854 г., на Чингильских высотах 17(29) июля и особенно — при Кюрюк-Даре 24 июля (5 августа), а также временное занятие Баязета, по сути, закончили кампанию 1854 г. в Малой Азии. Тем не менее в конце октября 1854 г. Лорис-Меликов вновь посетил Кизил-Килис, куда согласился прибыть для переговоров Касум-хан. Утром 2 ноября он переправился через Арпачай в окружении родственников, многочисленных старшин и нукеров; навстречу ему с полсотней линейных казаков выехал Лорис-Меликов. После обыкновенных приветствий русско-курдский отряд прибыл в Кизил-Килис, где Лорис-Меликов сразу же в присутствии сопровождавших Касум-хана курдов поблагодарил их от имени кн. Бебутова за сохранение спокойствия на границе, строгое запрещение набегов на армянские деревни, а также верность данному обещанию «отказывать по возможности туркам при требовании большого числа курдской кавалерии». Полковник уверял, что дружеские действия курдов не останутся без заслуженного вознаграждения³⁸.

На переговорах Касум-хан сперва указывал на сложность исполнения взятого ранее обязательства не участвовать в пополнении турецких войск, но затем полностью принял русские требования: подвластные ему курды должны были открыто прекратить отношения с турецкими властями, что, разумеется, повлияло бы и на живших по соседству с ними в Шурагельском и Кагызманском санджаках армян и татар (азербайджанцев). Касум-хан соглашался в любое время выставить против турок от восьмисот до тысячи человек отборной курдской конницы, передавать русскому командованию имеющиеся у него сведения об обстановке в регионе и турецких замыслах, а также обеспечивать спокойствие на границе и безопасность пути от села Кульп к Александрополю. Со своей стороны, Лорис-Меликов сулил ему военную помощь в случае турецкого нападения, а кн. Бебутов готов был ходатайствовать перед царём о производстве Касум-хана в полковники и предоставлении ему необходимых средств для того, чтобы пользоваться в обществе курдов тем же влиянием и почестями, какими пользовался его отец [X]Усейн-ага. При усердной службе России он мог также рассчитывать на назначение по ходатайству кн. Бебутова значительной пенсии³⁹. Курдам в знак благодарности были выданы в общей сложности 4 тыс. червонцев⁴⁰.

Будучи чрезвычайно доволен заключённым соглашением, Касум-хан спрашивал о возможности возвращения ему родовых имений, оказавшихся после российско-персидской войны 1826—1828 гг. в Эриванской губернии. Лорис-Меликов, понимая неосуществимость подобного желания, тем не менее уклонился от прямого ответа и сказал только, что данное ему поручение не позволяет решить этот вопрос. Судя по его донесению кн. Бебутову, Лорис-Меликов успел достаточно хорошо изучить характер Касум-хана, которого считал «далеко не шатким и твёрдым в слове, что подтверждает о нём молва». Этим, по мнению полковника, он сильно отличался от других курдов, и можно было надеяться на его верность, «если только мы не будем иметь рьяных неудач». В любом случае,

³⁷ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 2.

³⁸ Там же, л. 4—4 об.

³⁹ Там же, л. 5—5 об.

⁴⁰ Там же, л. 1, 8.

как заключал Лорис-Меликов, дружба с курдами гарантировала бы безопасность русских границ, по крайней мере, на всю зиму⁴¹.

Достигнутые договорённости действительно способствовали прекращению грабежей и разбоев, чем курды занимались даже в мирное время. Так, племена, кочевавшие по правому берегу Арпачая, на расстоянии 4–5 вёрст от армянских деревень, с конца ноября 1853 г. «не совершили ни одного набега на мирных жителей»⁴². Разумеется, для Турции измена Касум-хана означала потерю не только многочисленного курдского общества, находившегося в его непосредственном подчинении, но и всех курдов, кочевавших со своими старшинами по ту сторону Соганлуха — почитая дом Касум-хана, они, несомненно, последовали бы его примеру. Это было чрезвычайно существенно, учитывая значение курдской конницы и то, что Россия получила возможность не выделять около 4 тыс. солдат для предотвращения набегов⁴³.

При таких обстоятельствах, Лорис-Меликов ожидал, что турки «станут принимать самые энергичные меры, не считая обещаний, чтобы снова привлечь Касум-хана на свою сторону». И хотя их скудные материальные возможности не позволяли в ближайшем будущем рассчитывать на успех, Лорис-Меликов советовал закрепить дружбу с Касум-ханом новыми почестями, подарками и деньгами. Кроме того, он предлагал возложить на курдов обязанность наказывать жителей санджаков за неподчинение российским властям. Это неизбежно вызвало бы враждебность турок и препятствовало бы в дальнейшем их примирению с отделившимися племенами⁴⁴.

Тем временем контакты русских властей с Касум-ханом успокоили местных жителей. Так, узнав о его прибытии к Лорис-Меликову, деревни Зрчи, Цбны, Тигор, Маврак, Нахчиван, Акрак и Пивик, где жили в основном армяне, поспешили прислать своих представителей в Александрополь, изъявляя покорность российскому правительству. Появилась даже надежда при содействии Касум-хана подчинить России всё население от границы до Кагызмана⁴⁵. В награду за оказанные услуги 23 декабря 1854 г. Касум-хан был произведён царским приказом в полковники⁴⁶. Но поскольку он не спешил открыто отделяться от турок, ему не объявили о даровании чина⁴⁷.

Вместе с тем в 1855 г. русские войска начали подготовку к переходу границы, которую к маю уже нельзя было скрыть⁴⁸. В конце февраля 1855 г. начальник Эриванского отряда генерал-майор А.А. Суслов получил приказ войти в селения Кизил-Килис и Хаджи-Байрам⁴⁹. Но перед тем полковник А.П. Хрещатицкий и Джафар-ага⁵⁰ были командированы туда на несколько дней для вывода из указанных и близлежащих селений всех курдов со стадами и т.д. Их переселение вглубь турецкой территории и в приграничные районы Российской империи

⁴¹ Там же, л. 5 об.—6.

⁴² Там же, л. 2 об.

⁴³ Там же, л. 6 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, л. 7.

⁴⁶ Там же, л. 45.

⁴⁷ АКАК. Т. XI. С. 80.

⁴⁸ Богданович М.И. Восточный вопрос 1853–1856 годов. Т. IV. СПб., 1876. С. 247.

⁴⁹ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 17–19.

⁵⁰ Один из курдских родоначальников — Джафар-ага-Али-бек Шамшадин-ага оглы (1806–1877) 10 марта 1853 г. поступил на русскую службу прапорщиком, а уже 27 сентября 1854 г. был произведён сразу в майоры; в 1871 г. получил чин генерал-майора.

рассматривалось как одна из мер, необходимых для предотвращения беспорядков⁵¹. Вскоре старшины деревень Зибни и Торос (Ато Баба Оглы и Тоно Оглы) заявили, что все их жители готовы принять российское подданство, и указали деревни, в которых хранились запасы провианта, заготовленные для турецкой армии⁵². Между тем кн. Бебутов настаивал на переселении с правого берега Аракса на левый и русскоподанных курдов, желая разобщить их с турками и установить над ними более строгий контроль. Ещё в апреле 1854 г. было переселено 450 семей из 20 деревень⁵³.

Лорис-Меликов, в обязанности которого входило тогда установление порядка и налаживание отношений с местным населением на завоёванных территориях, опасался, что это вызовет среди курдов недовольство, чем непременно воспользуются турки, возобновятся набеги на российские границы и осложнится обстановка в тылу главных сил Отдельного Кавказского корпуса⁵⁴.

Получив поручение немедленно выехать из Александрополя и лично осмотреть районы по берегам Арпачая и Аракса от селения Кизил-Килис до Парнаута, Лорис-Меликов 1 марта прибыл в Кизил-Килис, проследовал далее по берегу Арпачая через Килис-Кулу в Хаджи-Байрам и приступил к организации переселения курдов с их стадом от берега Арпачая к Талыни. Однако убеждать курдские семейства отправиться на кочёвку к Талыни было не просто из-за холодов и не оттаявшего снега, а применение силы вооружило бы их против России. Поэтому курдам разрешили пробыть ещё какое-то время в домах. При этом часть их изъявила готовность добровольно переместиться далее в русские пределы — на покатошь горы Алагяза, где им была предоставлена летняя кочёвка. Для присмотра за оставшимися курдскими обществами Лорис-Меликов оставил конвой, а две сотни 4-го полка, временно располагавшиеся в деревне Караберлю, до повышения уровня воды в Арпачае и Араксе и уничтожения переправы направил в деревню Кашнан для предупреждения враждебных вылазок и противодействия угону скота. Наблюдать за курдами должен был чиновник земской полиции (позже для этого потребовался ещё один служащий). Вскоре все стада баранов были переправлены с правого берега Аракса на левый, вслед за ними туда же постепенно начали прибывать и курдские семейства⁵⁵.

Из Хаджи-Байрама Лорис-Меликов вместе с Хрещатицким отправился в деревню Парнаут, где проживали курды племени *зилан* и куда являлись для переправы через Аракс некоторые старшины со своими обществами. К тому времени уже 14 курдских обществ (более 600 семейств) и примерно 65 тыс. голов скота перешли на летние кочевья на склоны горы Алагяз и в Новобаязетский уезд. Как отмечал Лорис-Меликов, число перешедших под покровительство России могло быть и бóльшим, если бы не «старания правительства турецкого привлечь курдов снова на свою сторону»⁵⁶.

Воспрепятствовать курдам вновь уйти за границу, по мнению Лорис-Меликова, было бы сложно, однако он предлагал принять ряд мер для решения этой задачи. Между 3-м батальоном Эриванского карабинерского полка, находящимся близ Хаджи-Байрама, и двумя сотнями Донского казачьего 4-го полка,

⁵¹ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 20.

⁵² Там же, л. 16–16 об.

⁵³ *Аверьянов П.И.* Указ. соч. С. 107.

⁵⁴ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 24.

⁵⁵ Там же, л. 26–26 об., 29, 35, 35 об.

⁵⁶ Там же, л. 29 об., 30 об., 36 об.

расположенными в Кизил-Килисе, Хрещатицкому следовало собрать 50–60 всадников под начальством местного бека Фет Али-Хана и приказать ему в случае угона курдских стад за границу тотчас сообщать об этом в Хаджи-Байрам и Кизил-Килис. Местом пребывания Фет Али-Хана Лорис-Меликов назначил зимовник Кизил-Куру⁵⁷.

Через некоторое время Лорис-Меликов снова прибыл в Кизил-Килис, вступил в переписку с Касум-ханом и вызвал к себе старейшин 11 деревень, ранее признавших власть русских. Курдам вновь была обещана военная помощь и запрещалось вступать в какие-либо отношения с турецкими чиновниками. Лорис-Меликов получил от старшин сведения о численности курдов, которые могли быть выставлены для формирования конницы при начале боевых действий (их число по-прежнему составляло от восьмисот до тысячи человек) и приказал главам обществ к 25 марта подготовить и представить в Александрополь поимённые списки. К тому времени Лорис-Меликов надеялся выяснить, удержатся ли в русских пределах переселившиеся туда общества и сколько именно курдских семейств подвластно России. Со своей стороны, старшины докладывали, что их родоначальник Касум-хан строго преследует грабежи и всячески старается охранять деревни от находившихся поблизости турецких войск⁵⁸.

Для встречи с Лорис-Меликовым Касум-хан прислал своего двоюродного брата Халил-агу с двумя другими родственниками, которые отправились в Александрополь, чтобы лично получить указания командующего. По словам Халил-аги, Касум-хан собирался до разлива реки перейти Аракс и направиться с обществом к горе Перл и Парнаут (бывшее место кочёвок общества майора Джафар-аги, удалившегося в российские пределы). Но к тому времени Лорис-Меликов уже окончательно утратил доверие к Касум-хану, и полагал, что тот опасается прежде всего насильственного переселения на российскую территорию. Было известно также о его контактах с турками. Исполняющий обязанности мушира азиатской армии Кярим-паша и Карский вали Сары-паша вели с ним переписку, послали подарки и уговаривали прибыть на несколько дней в Карс или в Кагызман, на что Касум-хан всё же не соглашался, опасаясь ареста. Тем не менее известия о победах союзников в Крыму успели отчасти охладить его намерение принять сторону России. К тому же решение родоначальника при неблагоприятном стечении обстоятельств перейти со всем своим многочисленным обществом в российские пределы не было поддержано большей частью старшин, опасавшихся утратить прежнее значение для русского правительства. Так или иначе, несмотря на обещание щедрых наград, Касум-хан выжидал «окончательного разъяснения ситуации»⁵⁹.

Подобная позиция Касум-хана полностью устраивала русских и была им даже полезнее его переселения, поскольку семейная вражда между ним и его

⁵⁷ Там же, л. 31. Несмотря на то, что опубликованные в «Актах» документы имеют минимальные отличия от хранящихся в РГВИА, в подлинниках имя Лорис-Меликова встречается намного чаще, чем в «Актах». В отношениях с курдами его роль вовсе не ограничивалась исполнением приказов начальства. Так, например, приказание полковнику Хрещатицкому собрать под началом Фет Али-хана 50–60 айрюмцев в «Актах» приписывается кн. Бебутову (АКАК. Т. XI. С. 81), однако, судя по сохранившемуся в архиве рапорту, готовил и докладывал его командующему корпусом именно Лорис-Меликов.

⁵⁸ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, л. 15, л. 27, 31 об.

⁵⁹ Там же, л. 14, 27–27 об., 28–29.

родственниками, проживавшими в России, сулила тогда новые осложнения⁶⁰. Да и в целом, считалось, что курды полезнее как жители Турции, а точнее «как один из элементов её слабости и разрушения»⁶¹. Однако преимущество, которое давали колебания Касум-хана, исчезало, если бы он поддержал турок и начал враждебные действия в тылу русских войск.

Вступление частей Отдельного Кавказского корпуса в селения Кизил-Килис и Хаджи-Байрам было связано в том числе и со сведениями, полученными от лазутчиков, согласно которым из Кагызмана сообщили в Карс о появлении неприятеля и просили о помощи, уверяя, что иначе Касум-хан не сможет оставаться в Тевике и вынужден будет покориться русским⁶². Генерал Н.Н. Муравьев, с конца 1854 г. являвшийся наместником и главнокомандующим, принял решение занять Кагызман, в котором соединялись труднопроходимые горные пути. Это должно было оградить от набегов как границы империи, так и вновь занятые территории⁶³. 10 июня Лорис-Меликов с большими силами, включая три сотни курдов под командованием Ахмед-аги, вступил в город, после чего старейшины близлежащих селений немедленно изъявили покорность⁶⁴. Вскоре их примеру последовали и жители Гечеванского санджака. Таким образом, был установлен контроль за двумя ближайшими к Карсу районами⁶⁵. Лорис-Меликов сразу же организовал в Кагызманском и Гечеванском санджаках местное самоуправление под начальством командующего 2-м Курдским полком⁶⁶ Ахмед-аги, в обязанности которого входила их охрана⁶⁷. Это, казалось, подействовало на курдов, многие из которых просили позволения зимовать на занятых русскими землях⁶⁸.

Однако грабежи и разбои в приграничной полосе не прекращались. Так, у жителей селений Мастары, Уман-Дервиш и Джан-Давриш угоняли скот. В одном из этих случаев группа, состоявшаяся, по словам очевидцев, из двухсот курдов, убила одного и ранила десять местных жителей, в другой раз ранения получили три пастуха, охранявшие лошадей, и т.д.⁶⁹ Аналогичные происшествия

⁶⁰ Там же, л. 28 об.—29. Характерно, что, согласно подлиннику, хранящемуся в РГВИА, о нежелательности окончательного переселения Касум-хана в Россию писал кн. Бебутову Лорис-Меликов. В «Актах» же приводится лишь мнение кн. Бебутова (АКАК. Т. XI. С. 81).

⁶¹ *Лихутин М.* Указ. соч. С. 171–172.

⁶² РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 15.

⁶³ *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 249; *Эсадзе Б., Эсадзе С.* Тверские драгуны на Кавказе. Восточная война 1854–1856. Тифлис, 1898. С. 107.

⁶⁴ Блокада Карса. Письма очевидцев о походе 1855 года в Азиатскую Турцию. Тифлис, 1856. С. 42–44.

⁶⁵ *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 14. См. также: *Итенберг Б.С.* Военачальник и администратор на Кавказе // Отечественная история. 2004. № 1. С. 44–45.

⁶⁶ В Крымскую войну было сформировано два курдских полка: 1-й в составе Эриванского отряда под командованием майора Джафар-аги и 2-й курдский полк в составе Александропольского отряда под командованием Ахмед-аги Сулейман-ага оглы, состоявший по большей части из жителей Карского пашалыка и использовавшийся в основном для охраны порядка в приграничных районах. К концу лета 1855 г. он насчитывал пять командиров сотнями, десять обер-офицеров, около 500 пеших солдат и столько же всадников (к началу 1856 г. его численность сократилась до двух сотен конных «охотников»). Командиры сотнями и их помощники чинов не имели (РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 14, л. 9 об., 15, 22, 29, 39–41, 57–72; д. 22, л. 6, 10, 14). В российской историографии этот полк не совсем верно именуется «Карским». См.: *Минорский В.Ф.* Курды. Заметки и впечатления (с приложением карты). Пг., 1915. С. 42.

⁶⁷ Блокада Карса... С. 42–44.

⁶⁸ АКАК. Т. XI. С. 92.

⁶⁹ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 22, л. 2, 8.

происходили в разных местах. 12 и 27 сентября курды напали на русский транспорт, а также на небольшой персидский караван. Вместе с ним шла тифлисская почта «под прикрытием 15 всадников конно-мусульманского 4-го полка, из которых четверо были убиты, а девять человек ранено». Поскольку почту доставили в Эрзерум, стало очевидно, что нападение совершено по приказанию турок⁷⁰. В октябре небольшой отряд под командованием майора Кореницкого истребил всё имущество курдов, участвовавших в ограблении каравана, сопротивлявшиеся были убиты, а их многочисленное стадо угнано⁷¹. Одновременно усиливались приграничные караулы, в Сурмалинском участке, где набеги курдов были особенно часты, местным бекам было приказано организовать и вооружить конную стражу, именно им предстояло нести ответственность за повторения подобных случаев⁷². Лорис-Меликов неоднократно строго предписывал командиру куртинского 2-го полка Ахмед-аге «сделать распоряжение к прекращению беспорядков и грабежей», запретить перегонять через границу отбиваемый скот, а также обеспечить поимку виновных и проч.⁷³ Однако находившиеся во владении Ахмед-аги в Кагызмане курды вместе с выходцами из общества его брата Авдоаги также подозревались во многих набегах⁷⁴.

После окончания кампании Лорис-Меликов, назначенный начальником Карской области, занимался делами, связанными с возвращением Карса турецкому правительству. Передача крепости затягивались в том числе и потому, что русская сторона указывала на необходимость защиты от курдов, которые в отсутствие турецких войск «начнут производить грабежи». Впрочем, каких-либо серьёзных происшествий в этот период отмечено не было, за исключением угроз, исходивших от бывшего мудира алашкертского санджака Мамед-бека, являвшегося пасынком Джафар-аги⁷⁵. Касум-хан к «концу кампании открыто перешёл на сторону турок»⁷⁶ и перебрался со своим семейством в Мушский пашалык, передав подвластные ему общества российским властям⁷⁷. Чина полковника его лишили.

Сложнее было решить вопросы, касавшиеся некоторых курдских обществ, ранее изъявивших покорность России, в частности, 450 семейств племени *джемадили*, перешедших до войны в предгорья Эриванской губернии, внесённых в камеральное описание её населения и обложенных податью. С началом войны это общество переселилось в пределы Турции, однако вскоре значительная его часть вернулась, а другая (примерно 200 семейств) осталась в границах Карской области. Пока она находилась под русским управлением, пребывание там подданных царя не привлекало к себе особого внимания. И лишь с приближением возвращения Карса Турции старшины, озабоченные разъединением своего общества, стали ходатайствовать о принуждении находящихся в Карской области семейств к переселению за Арпачай. Лорис-Меликов обратился к командующему

⁷⁰ Муравьёв Н.Н. Война за Кавказом в 1855 году. Т. II. СПб., 1877. С. 151–152.

⁷¹ Там же. С. 151.

⁷² РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 22, л. 2 об., 3 об.

⁷³ Там же, л. 6, 10. Между тем, когда ограбленные татары узнали в своих обидчиках бойцов из 2-го курдского полка, тех без особого шума выслали для проведения дознания (Там же, л. 13).

⁷⁴ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 22, л. 2 об.

⁷⁵ АКАК. Т. XI. С. 257, 260, 301–302.

⁷⁶ Аверьянов П.И. Указ. соч. С. 117.

⁷⁷ О его действиях Лорис-Меликов представил наместнику особый рапорт: РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 45.

действующим корпусом на кавказско-турецкой границе генерал-лейтенанту С.А. Хрулёву за указаниями, следует ли курдов, находящихся в пределах Турции, переселить в пределы России для соединения с проживающей там большей частью их общества и использовать ли, если потребуется, для этого силу. Сам Лорис-Меликов полагал объединение данного общества полезным для предупреждения перехода границы и напоминал, что семейства эти, несмотря на временный переход за границу, не исключались ещё из камерального описания. Однако Хрулёв распорядился переселять курдов только при их добровольном согласии⁷⁸.

В данном случае принуждение сулило больше проблем, чем проживание этих семейств на турецкой стороне. Многие прибывшие в Россию курды, оказывавшие помощь русским войскам, лишились всех средств к существованию и не имели возможности вернуться в Турцию. Иногда нуждающимся, в основном из числа родоначальников, назначались различные пособия⁷⁹. Лорис-Меликову не раз приходилось разъяснять степень и характер участия того или иного курда в кампании, сообщать сведения об оказанных им услугах и личности. В частности, ему довелось характеризовать одного из курдских родоначальников Джафар-агу⁸⁰, которому по ходатайству кн. Бебутова предполагалось назначить пособие. Лорис-Меликов не имел с ним отношений, однако отметил и его участие осенью 1853 г. в составе курдской кавалерии в действиях против Эриванского отряда, и последовавшее перемещение на российскую территорию. Поселившись со своими родственниками в Сурмалинском участке Эриванской губернии, Джафар-ага уже не имел возможности оказывать какие-либо услуги, но учитывая его знатное происхождение и влияние на курдское население Турции, знакомство с Езданширом, знание Курдистана, мог оказаться полезен впоследствии⁸¹. Не случайно в 1877–1878 гг. для влияния на курдское население Турции Лорис-Меликовым были привлечены многие старейшины и родоначальники, перешедшие в российское подданство именно в 1854–1855 гг.

Русско-турецкие войны XIX в. показали роль курдского фактора в политике России в Закавказье и на Ближнем Востоке. Русское командование старалось привлечь на свою сторону курдов «не столько в качестве боевой силы, сколько в целях обессилений турок и охраны своих операционных коммуникаций»⁸². При этом полного доверия к ним не было. Формирование из них полков, по мнению гр. М.Т. Лорис-Меликова, ни в середине 1850-х, ни в 1877–1878 гг. в военном отношении не имело смысла и осуществлялось лишь «с целью отвлечения с Кавказа вредных для нас элементов»⁸³. В целом же позиция курдских племён, а также перспектива развития в регионе национально-освободительных движений вызывали у Российской империи интерес лишь в контексте русско-турецкого противостояния и не имели для неё самостоятельного значения.

⁷⁸ Там же, л. 47–47 об., 49–49 об.

⁷⁹ Там же, л. 50.

⁸⁰ Не путать с командиром курдского полка майором Джафар-агой.

⁸¹ РГВИА, ф. 15099, оп. 1, д. 15, л. 51.

⁸² *Курд Оглу*. Указ. соч. С. 95.

⁸³ Цит. по: *Аверьянов П.И.* Указ. соч. С. 218.